

А.З.Цисик

ИСТОКИ И ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ
И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ У ГОРАЦИЯ
(К постановке проблемы)

Одной из первоочередных проблем в исследовании античной литературы является на современном этапе проблема самосознания творческой личности и осознания своего творчества в процессе его осмысления. Именно в таком ракурсе предстоит вкратце рассмотреть творчество одного из самых выдающихся поэтов августовского Рима Квинта Горация Флакка.

Художественно-эстетические взгляды Горация формировались как в русле отечественной традиции, так и в еще большей степени под влиянием греческих поэтов и греческой культуры в целом.¹ Гораций был воспитан прежде всего в системе современных ему духовно-мировоззренческих ценностей, которые неминуемо отразились на философии жизни и творчества римского поэта, чье образование началось в Риме и завершилось в Афинах, этой школе античной мудрости. В эпоху Горация просвещенное большинство римского общества уже восприняло и окончательно освоило греческую культуру, в результате чего сложился тот своеобразный синтез греческих и римских ценностей, который получили в современной науке название эллинистически-римского типа античной культуры.²

Самое значительное влияние на эстетику художественного творчества Горация оказали стоицизм и эпикуреизм. Эти философские течения эллинизма уже давно находили своих сторонников в Риме, но их популярность особенно возросла по мере углубления кризиса полисно-республиканского мировоззрения.³ В поэзии Горация отразилось постоянное стремление к душевной уравновешенности, безмятежности и личной добродетели. Далеко не случайно

© А.З.Цисик, 1992

В идейном репертуаре поэта основным мировоззренческим принципом оказывается принцип независимости личности, звучащий лейтмотивом в самых различных произведениях.⁴ Этот особый "индивидуализм", ставший основной чертой всей эллинистическо-римской культуры,⁵ в эпоху становления принципата Августа в условиях острой социальной борьбы предоставлял каждому отдельному человеку тешить себя иллюзией внутренней свободы и одновременно сохранять необходимый принципсу образ верноподданного, а если нужно, находить аргументы для своего отказа от общественных дел. Наряду с творчеством других поэтов этой эпохи, поэзия Горация явилась ярчайшей иллюстрацией подобных мировоззренческих коллизий. Гораций сумел модифицировать философию античного индивидуализма как единую тенденцию развития общественной психологии данного периода истории Рима, столь знаменательного для всей будущей истории европейской культуры.⁶

В римской литературной традиции Гораций нашел своих предшественников в лице Квинта Энния и Гая Луцилия, поэтов III - II вв. до н.э. В произведениях Энния впервые в римской поэзии появляются автобиографические мотивы, обращения к самому себе и самоирония. Поэтому именно с Эннием принято связывать первое проявление личностного начала в римской литературе.⁷ Однако гораздо определеннее и полнее процесс авторского самовыражения представлен у Луцилия. В своих сатурах, к сожалению, известных теперь лишь крайне фрагментарно, Луцилий гордится своей независимостью:

Не хочу я нравиться черни, как иные пишущие:

Тех мужей хочу пленять я...

... из самого предсердия

Изливаю стих.

Рассуждает он как о поэзии, так и о своем отношении к ней, наставляя разбираться в стихах и стихотворстве (poema, poesis), говоря о погрешностях в стихе, слове или образе (verbum, verbum, entusama).⁸

Именно на эту сторону поэзии Луцилия впоследствии обра-

тил внимание Гораций, назвал себя его продолжателем:

Все свои тайны, как верным друзьям, поверил он
листочкам.

Горесть ли, радость ли — к ним, к ним одним всегда
прибегал он!

Всю свою долгую жизнь, как на верных обетных
дощечках,

Старец в своих начертал сочиненьях. Его то примеру
Следую я...⁹

(С., П, I, 30-34; пер. М. Дмитриева).

В период падения республики, когда отдельная человеческая личность начинает выдвигаться особенно интенсивно, в общественно-исторической действительности закономерно растет осознание этого процесса среди различных представителей образованного римского общества. Цицерон пишет поэмы "О моем консульстве" и "О моем времени". Субъективные переживания автора, его творческая личность становятся объектом поэтического изображения у Катутлла. Таким образом, ко времени Горация в римской литературе уже были сделаны первые важные шаги в направлении становления авторского самосознания и способов его художественного выражения.

Как же развивался этот процесс у самого Горация? При первом знакомстве с поэзией Горация сразу же привлекает внимание ярко выраженный личностный, диалогический ее характер. Подавляющее большинство его произведений — это своего рода обращения поэта к реальным или же фиктивным лицам, причем высказывания самого Горация всегда носят убеждающий, активный характер. Литературная программа Горация близка требованиям Каллимаха, т.е. отказу от больших поэтических произведений со сквозным сюжетом, тщательной отделке формы и предпочтения поэтическим новациям на основе использования всего предшествующего художественного опыта.¹⁰ "Оды", "Эподы", "Сатиры" и "Послания" Горация — сравнительно небольшие произведения, составленные рукой мастера, в совершенстве владеющего изощренной техникой стихосложения. В центре всей этой поэзии — сам поэт, беседующий,

вспоминающий, размышляющий об окружающем мире и его мнимых и истинных ценностях. Ни у одного античного поэта личный мир не проникает в мир его произведений столь глубоко, как у Горация. По степени отражения собственной личности в своем словесном творчестве Горация можно поставить только рядом с Цицероном,¹¹ личность которого наиболее проливается в письмах к родным и близким друзьям. У Горация же мы находим полную поэтическую автохарактеристику. Так, шестая сатира первой книги обращена к Мecenату, покровителю поэта, дружбой с которым Гораций особенно дорожит и гордится. Однако в середине произведения поэт прерывает прославление Мecenата обращением к себе (ст.45 сл.). И далее излагается история юноши, сына вольноотпущенника, когда-то презираемого всеми из-за низкого происхождения (*rodunt omnes*), впоследствии оказавшегося трибуном римского легиона, а теперь удостоенного дружбой самого Мecenата. Будучи знатным вельможей, Мecenат сближается с людьми не по знатности их рождения (*non patre claro*), а по личным достоинствам и чистосердечию их (*vita et pectore puro*). Гораций наделен этими качествами, полученными от отца (*causa fuit pater his*). Таким образом, половина сатиры посвящена описанию собственной жизни и прославлению не Мecenата, а отца поэта, столь предусмотрительно воспитавшего сына, что тот сам завоевал себе право жить теперь сладостнее (*suavius*) любого аристократа и даже "спокойнее, чем ты, достославный сенатор", т.е. Мecenат (ст.130-131, 110). Во втором послании к Флору, т.е. в двадцатом послании второй книги, Гораций вспоминает, как пришлось ему прервать свое обучение и покинуть благодатное местопребывание — Афины. В его жизнь ворвалась гражданская война, в которую он был вовлечен по неопытности (*civilisque rudem belli*). Лишь битва при Филиппах принесла ему освобождение, и он получил возможность вернуться на родину, но увы "с подрезанными крыльями" (ст.41 сл.). В двадцатом послании первой книги поэт обращается к своей книге, как бы этим заключительным стихотворением предваряя ее предстоящую публикацию, т.е. апеллирует к будущим читателям. Книжка должна сообщить, говорит поэт, о том, что низкое происхождение ее автора противоположно его великим заслугам, что крылья его распростерты далеко (*maiores pinnae*) и все сильные

мира сего теперь превозносят его (*primis urbis placui*). В заключение поэт прилагает свой словесный автопортрет:

Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,
Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабрей уже полностью сорок четыре
В год, когда Лоллий себе в товарищи Лепида выбрал
(т.е. в 22 г. до н.э.; пер. Н. Гинцбурга).

Различные сведения о личной жизни, мироощущении и мироотношении содержатся повсюду в стихах Горация, особенно изобилуют ими "Сатиры" и "Послания".¹² Столь сильный личностный элемент мог проявить себя в поэзии Горация лишь при условии высокоразвитого творческого сознания, обладающего яркой демонстративностью организующего образа автора.¹³ Столь же высокий уровень авторского самосознания демонстрирует Гораций и в оценке собственного творчества.

Разрозненные фрагменты сатур Луцилия и произведения других поэтов до Горация не дают материалов для обстоятельного суждения об их отношении к поэтической деятельности. Недостаточны свидетельства и о сложной литературной полемике эллинистических поэтов, о самооценке их творческой деятельности, хотя количество статей и монографий на эту тему огромно. Гораций — единственный античный поэт, который, как нам известно, создает, в полном смысле слова, биографию своей поэтической деятельности.

В "Одах" он декларирует отказ от прославления ратных подвигов и приверженность к тематике веселых застолий. Следуя за Анакреонтом и эллинистической анакреонтикой, он предпочитает петь лишь о пиррах и любовных поединках (I, 6). Столь же традиционен перечень покровительствующих ему богов, но с римскими именами Венеры, Амура и Меркурия (I, 30). Однако зачастую традиционные для греческой лирики темы и мотивы дополняются типично горацианскими, новыми. Поэт говорит, что житейским тревожениям, погоне за богатствами, поискам долголетия и счастья в чужих странах он предпочитает настоящий душевный покой (*otium*).

Возможно, Гораций предполагает здесь эпикурейский призыв к безмятежности (*ἀταραξία*). Но безмятежность Эпикура и его последователей была главным средством достижения их конечной цели — уводила в философию.¹⁴ Горация же правдивая судьба (*Parca non mendax*) одарила нежным дыханием эллинской Музы (*spiritum Graiae tenem Camenae*) и пренебрежением к злобной черни (II, 16). Последние слова, без сомнения, переключаются с Луцилием, который говорит о своем нежелании угождать стихами народу (см. выше с. 63). Однако *malignum vulgus* Горация не *populus* Луцилия, т.е. не римский народ или простолюдины, а критики и литературные противники поэта, которым Гораций уделяет достаточно внимания в "Сатирах", "Посланиях" и отчасти в "Эподах", посямая и разоблачая их. Размышления о своем призвании, о своей деятельности и о своем бессмертии Гораций подытожил в заключительной оде третьей книги, в знаменитом "Памятнике". Здесь он обосновал свое собственное право вечности и окончательно претворил прошлое в завоеванное им будущее. В четвертой книге "Од" поэт с гордостью говорит о настоящем, обращаясь к Мельпомене:

...молодежь меня
Причисляет к своим лучшим избранныкам,
И с годами звучит слабей
Ропот зависти и — недружелюбия.
.....
Удивительно ли тогда,
Что показывают пальцем прохожие
На меня? Если я люблю,
Я обязан тебе честию выпавшей
(IV, 3, 13-16, 21-24; пер. В. Пастернака).

Мифологические реминисценции и весь возвышенный стиль четырех книг "Од" был продиктован требованиями жанра. Иначе оформлены те же мысли в "Сатирах" и "Посланиях". И в этих книгах поэт следует правилам жанров, истоки которых он ищет в греческой традиции. Свои исторические размышления, ссылки на греческих и латинских предшественников, а также критику их Гораций сочетает с нападками на своих реальных противников. Апелляция к гре-

кам не мешает ему зычески подчеркивать свою самобытность и независимость:

Первый свободной ногой я ступал по пустынному краю,
Я по чужим вель столам не ходил
(Зр., I, 19 21-22; пер. Н. Гинцбурга).

В десятой сатире первой книги обе метафоры — *libera vestigia* (свободные стопы) и *meus pes* (моя нога) раскрываются достаточно определенно, но спять же со ссылками на греков в подражании и противоборстве. Как Каллимах и его последователи, Гораций требует тщательной отделки стихов. Этот тезис для него постоянен. Типичным для всей греческой поэзии оказывается и мотив она, неизменно переосмыслимый, начиная с Гесиода и Архилоха, всеми позднейшими поэтами. Но Горацию все сне являются не Музы или Аполлон, а сам Квирин, исконный римский бог, чтимый как основатель и хранитель всего римского государства:

Я вель и сам, хоть не грек, сочинял по-гречески прежде:
Но однажды средь ночи, когда сновиденья правдивы,
Вдруг мне явился Квирин и с утрозой сказал мне: "Безумец!
В Греции много поэтов; толпу их умножить собою —
То же, что в рошу дров наносить, — ничуть не умнее!"
(от. 31-35; пер. М. Дмитриева).

Мотив личного первенства, новаторства, столь перманентный для всей поэзии Горация, обычно объясняют тем, что Гораций "первым приобщил песню Эолии к итальяским стихам; т.е. перенес греческую поэзию, ее строй в Рим (*princeps Aeclium carmen ad Italos deduxisse modos*). Действительно, Гораций — хранитель всей двуязычной поэтической традиции, сознательно усвоивший ее. Таким представляет он себя и будущих поэтов Рима в своей прославленной "Поэтике" ("Послание к Писсонам").

Высокий уровень поэтического самосознания и самопроявления был у Горация исторически подготовлен теми социокультурными предпосылками, которые четко проявились в III в до н.э. в эллинистической Греции. Но в ее культуре не могли реализоваться все те потенциальные возможности, которые открылись римскому худо-

стичку, сопричастному собственной духовной культуре Рима, где личностное начало было всегда ей присуще. Но поэзия Горация показывает, что на основе его собственной культуры эллинистическое наследие реализовалось на новом, более высоком уровне.¹⁵

Гораций сумел внести новый, столь существенный для него этический мотив. Не знатное происхождение, не богатство, не военные заслуги позволили ему добиться всеобщего признания и даже вознестись над людьми, а собственные моральные качества, вложенные отцом и раскрытые воспитанием, образованием и жизненным опытом. Добродетель помогла ему предпочесть подлинные ценности мнимым и выйти на единственно уготованный для него путь. Так, ссылаясь на свой жизненный опыт, говоря всюду от себя и о себе, Гораций сумел подвести итог давнему спору поэзии с философией, начатый еще Платоном, подхваченный Аристотелем и с новой силой разгоревшийся в эллинистическую эпоху. Ученый и мудрый поэт (*poeta doctus*), идеал эллинистических поэтов и их читателей, уступил в Риме свое первенство добропорядочному человеку (*vir bonus*).

Цицерон выбрал этому человеку государственное поприще, Гораций раскрыл перед ним на своем примере область художественного творчества, вечную и безграничную.

Примечания

¹ См.: Thaliwita E. De Horatio Graecorum imitatore. Leipzig, 1874; Smith W. Horace's Debt to Greek Literature // Classical Review. 1955. Vol. 49. P. 109-116.

² Впервые это определение дается в кн.: Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р. Эллинистически-римская культура. СПб., 1914. — В современной научной литературе см. обоснование термина у А.Ф. Лосева (Лосев А.Ф. 1) История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 5 сл.; 2) Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э. М., 1979. С. 5 сл.).

³ Тронский И.М. История античной литературы. М., 1983. С. 307-308.

⁴ Гаспаров М.Д. Поэзия Горация // Квинт Гораций Флакк. Одн. Эподн. Сатирн. Послания. М., 1970. С. 27.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. С. 8 сл.

⁶ Забулис Г.К. Поэтическая модификация философии индивидуализма накануне и в эпоху Августа: Автореф. докт. дис. М., 1983. С. 1-30.

⁷ Дуров В.С. Жанр сатиры в римской литературе. Л., 1987.

⁸ Полонская К.П., Поняева Л.П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 130-131, 216-217; 138-139, 217.

⁹ Переводы произведений Горация даны по кн.: Квинт Гораций Флакк. М., 1970.

¹⁰ Соду J.V. Horace and Callimachean Aesthetics // Latomus. 1977. Vol. 147. P. 3-130; Wisniewski W. Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustuszeit // Hermes. Einzelschrift. Hft 16. Wiesbaden, 1960; Puelshausen P. Lucilius und Kallimachus. Frankfurt am Main, 1949.

¹¹ Благовещенский Н.М. Гораций и его время. Варшава, 1978. С. 21.

¹² Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима / Отв. ред. М.Л.Гаспаров. М., 1985, Т. 1. С. 319.

¹³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. С. 426.

¹⁴ "Эпикуреизм есть философия свободного индивидуализма" (Там же. С. 204).

¹⁵ Чистякова Н.А. Художественная культура античного мира // Художественная культура в докапиталистических формациях / Отв. ред. М.С.Каган. Л., 1984. С. 165-173.

В.С.Дуров

ДВЕ "ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ" САТИРЫ ГОРАЦИЯ

(Hor., S., II, 2 et 4)

Сатиры Горация - явление исключительно сложное. Их уникальная особенность состоит в том, что не только отдельные стихи и отрывки, но даже целые сатиры допускают множество разноб-

© В.С.Дуров, 1992